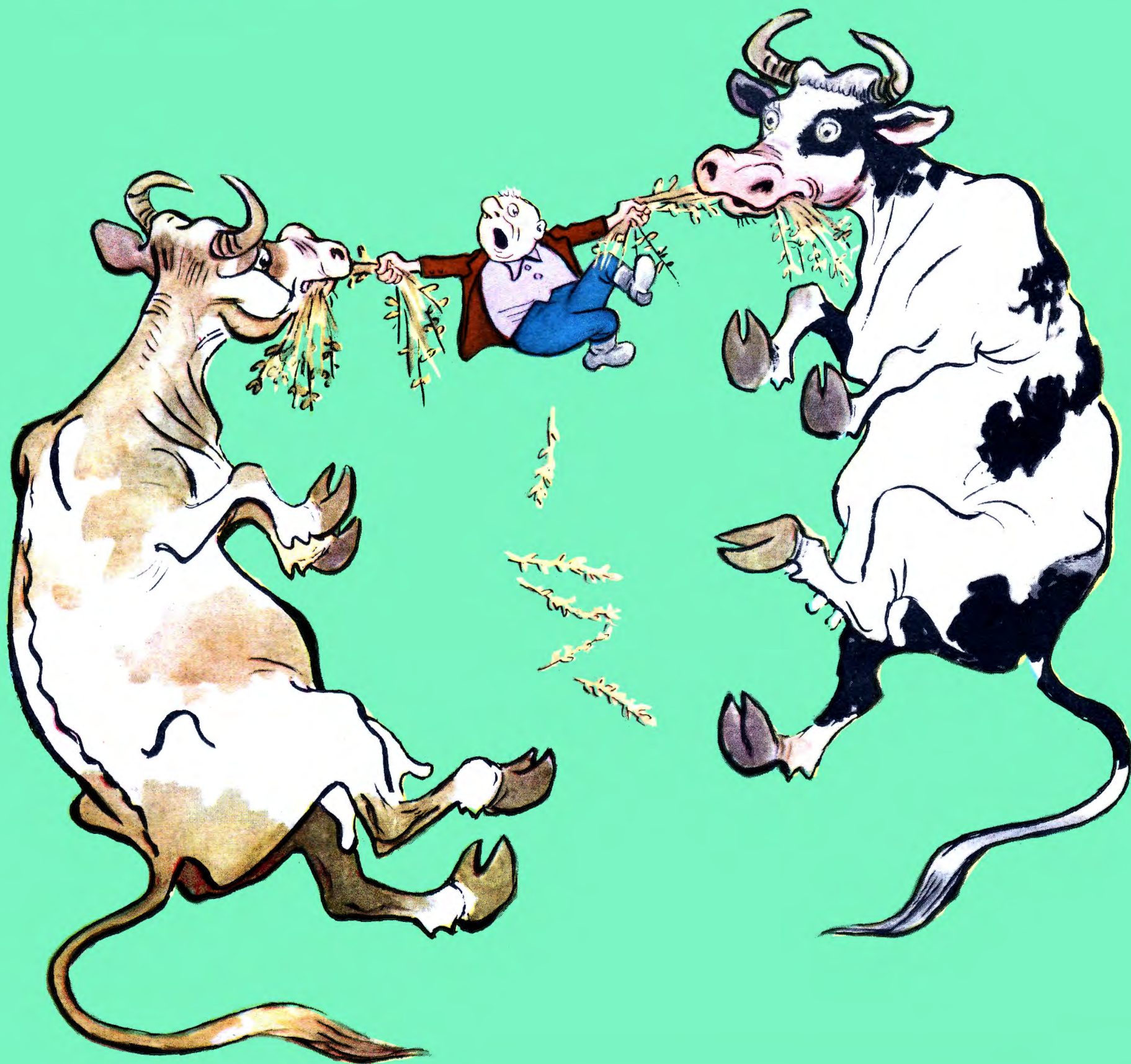

Во многих колхозах и совхозах Омской области к животноводческим фермам своевременно не были подвезены корма.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Заведующий фермой:—Все требуют корма, хоть разорвись...

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 35 20 ДЕКАБРЯ (1469) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Мельбурнские аплодисменты

Итак, всемирные Олимпийские игры закончены под гром оваций в честь новорожденного чемпиона игр — советской команды. И есть за что. Победа одержана блистательная: набрано 622 очка! Остался далеко позади даже серьезнейший соперник — команда США, на счету которой 497 очков.

Кстати, об очках. Потерпели поражение люди в чёрных очках. Оговоримся, речь идёт о людях, что всё видят в тёмном свете, злопыхателях всех мастей. Вопреки их «беспристрастным» прогнозам советские спортсмены увезли из Мельбуерна девяносто восемь медалей, из них тридцать семь золотых. Вот уж поистине золотой дождь! Говорят, что на вокзал чемодан с медалями поручили нести чемпиону по поднятю тяжестей. Вполне вероятно.

Первым из советских спортсменов золотую медаль олимпийского чемпиона получил самый быстрый бегун на длинные дистанции Владимир Куц. В шутку можно сказать, что его не могла обогнать даже собственная слава. Впоследствии Куц получил ещё одну медаль.

Нелегко давались победы! Тяжело, например, было олимпийскому чемпиону штангисту Аркадию Воробьёву. Чтобы получить золотую медаль весом в несколько граммов, ему пришлось в общей сложности поднять 462,5 килограмма. Ну что ж, мал золотник, да дорог!..

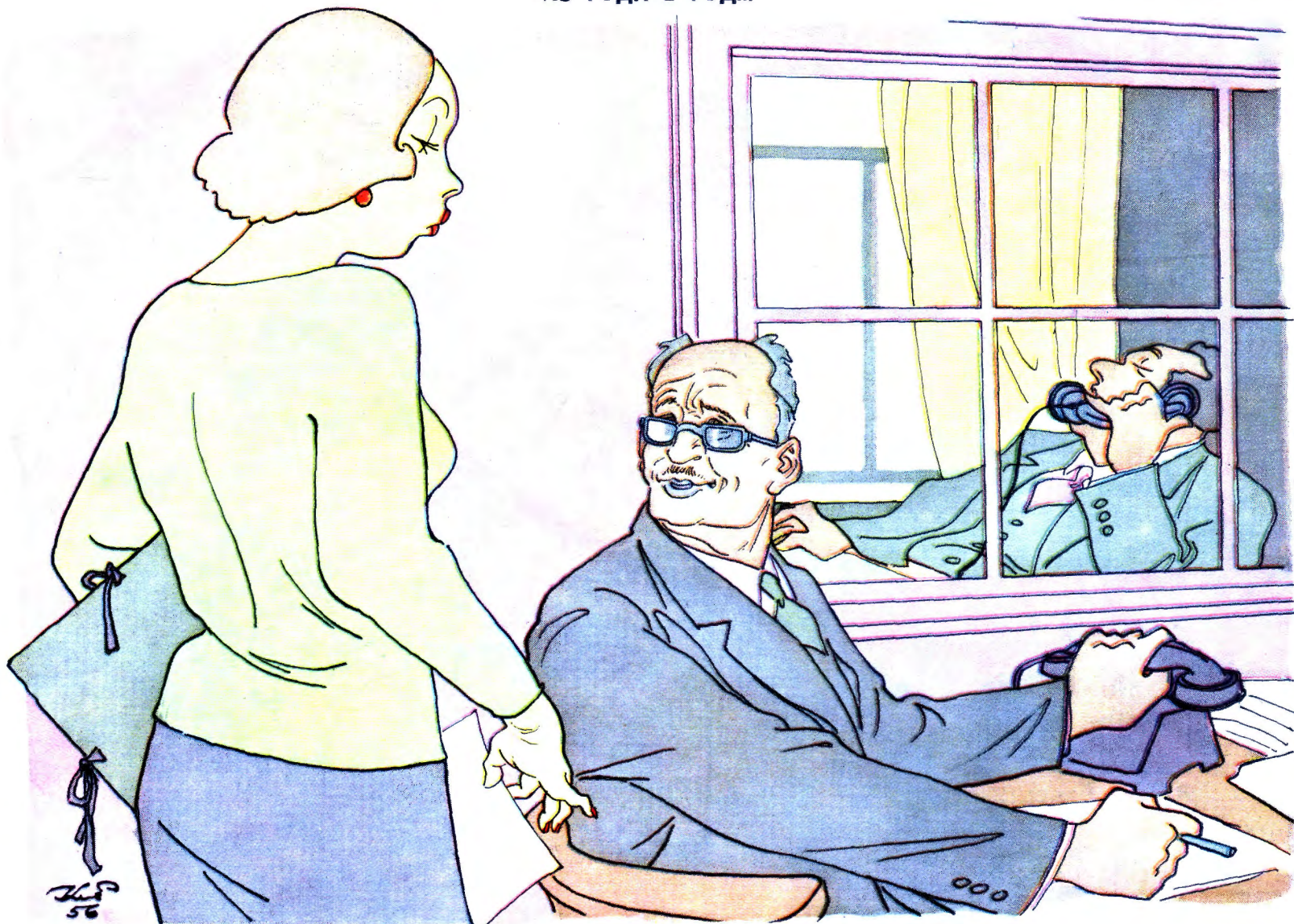
Новыми достижениями порадовали нас советские футболисты и боксёры, борцы и гимнасты...

Кончились игры. Угас олимпийский огонь, плававший в огромной чаше.

Но не потух другой огонь. Он разгорается всё ярче, огонь спортивной дружбы между молодёжью всех стран.

До новой встречи в Риме, друзья! Будем надеяться, что гром мельбурных оваций не вскружит голову советским спортсменам.

КРОКОДИЛ

— Срочно подберите Василь Палычу его невыполненные обещания.
 — Для чего это ему!
 — Чтоб вновь их дать...

ШЕСТРАЯ КРОКОДИЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Длинным субботним вечером крокодильские активисты любят собираться в комнате художников, у батареи парового отопления. Батарея от избытка тепла и пара урчит, как сытый кот, или тянет какую-то несложную домашнюю песенку. Песенка располагает к неторопливой беседе, и активисты начинают рассказывать друг другу об удивительных встречах, знакомствах и происшествиях прошедшей недели.

Так из их пёстрых рассказов начала создаваться Пёстрая Крокодильская Летопись.

Лучшие рассказы Летописи Крокодил решил обнародовать на страницах своего журнала. Одновременно он хочет сообщить своим дорогим читателям, что в крокодильских субботних вечерах может заочно участвовать любой гражданин Советского Союза, если только у него есть в запасе интересная история о чиновнике, бюрократе, ханже, подхалиме или каком-нибудь другом завсегдатае нашего журнала.

Итак, в прошлую субботу, когда все заняли свои места, Крокодил спросил:

— А кто сегодня начнёт первый?
 — Разрешите мне, — раздался чей-то голос. — Моя фамилия — Левин. Я приехал из города Александровска, что на Урале. Мне бы хотелось поведать вам об одном удивительном случае.

О ЧУДЕСНОМ ЗНАМЕНИИ

Не так давно в Доме культуры нашего города собралась очередная сессия городского

Совета. Депутаты решили поговорить о зиме. И вот уже на трибуну поднимается докладчик — заместитель председателя горисполкома товарищ Гулин. И он начинает свою вдохновенную речь о ремонте жилфонда, тротуаров и прочего.

— Товарищи, — сказал докладчик, — мы можем похвастать слишком большими достижениями. Из трёхсот тысяч рублей, отпущенных на устройство тротуаров, израсходовано всего десять тысяч.

— М-да, не густо! — донёсся чей-то голос. — Памятник за это не поставят!

Далее товарищ Гулин сообщил, что с ремонтом жилищ дело обстоит тоже худо. Но когда докладчик перешёл к так называемым соцкультобъектам, свершилось чудо. Потолок в зале, где заседали депутаты, свело в горькой улыбке. Следом послышался сухой, скрипучий смехок, похожий на треск.

Депутаты испуганно подняли головы, а заведующий отделом культуры Пастухов в чьём ведении находится зал, втянул голову в плечи.

— Господи, никак, это знамение свыше! — раздался сторонний старушечий голос.

Но мужественный товарищ Гулин не обратил внимания на эту антиматериалистическую реплику. Он смело углубился в цифровые дебри доклада, чтобы красочно проиллюстрировать свои ценные мысли относительно качества ремонта зданий общественного пользования.

Тут-то опять депутатам почудилось, что по-

толок осклабился в ехидной улыбке. Затем штукатурка пошла складками и... рухнула вниз.

На следующий день наименее сознательные жители города Александровска повторяли старушечьи слова «о знамении свыше». Но товарищи Гулин и Пастухов начисто отрицали знамение и от души смеялись над легковёрными гражданами.

На этом товарищ Левин закончил своё повествование.

Крокодил раскурил свою потухшую трубку и задумчиво заключил:

— Да, это действительно удивительная история, и её следует включить в Пёструю Летопись. Но в ней нет ничего сверхъестественного. Все мы давным-давно перестали верить в знамения и приметы. Ведь ещё поэт Баратынский писал:

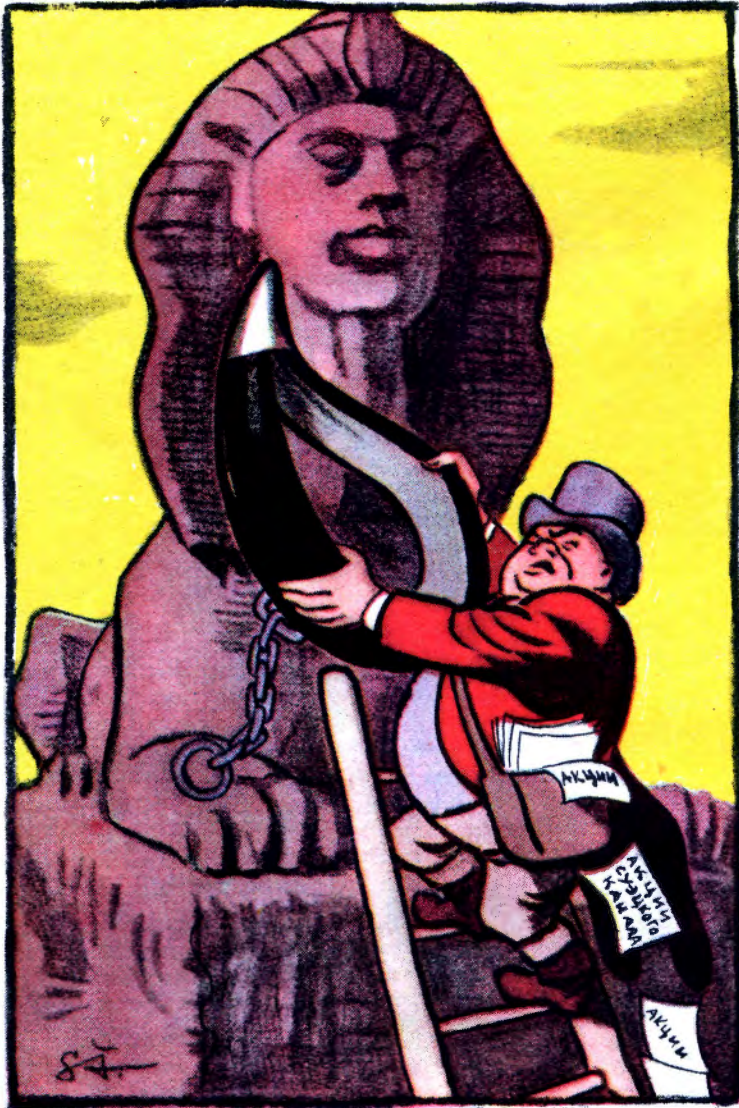
Пока человек естества не пытал
 Горнилом, весами и мерой;
 Но детски вещаньям природы внимал,
 Ловил её знаменья с верой...

И поэтому я от души рад, что товарищи Гулин и Пастухов оказались на высоте своих материалистических воззрений. Но вместе с тем мне хочется сказать, что это отнюдь не снимает с них ответственности за ремонт жилищ и клубов. И руководить этим ремонтом надо так, чтобы потолки не сводило в улыбку и они не падали на головы депутатам и прочим гражданам Александровска.

В гостях у КРОКОДИЛА

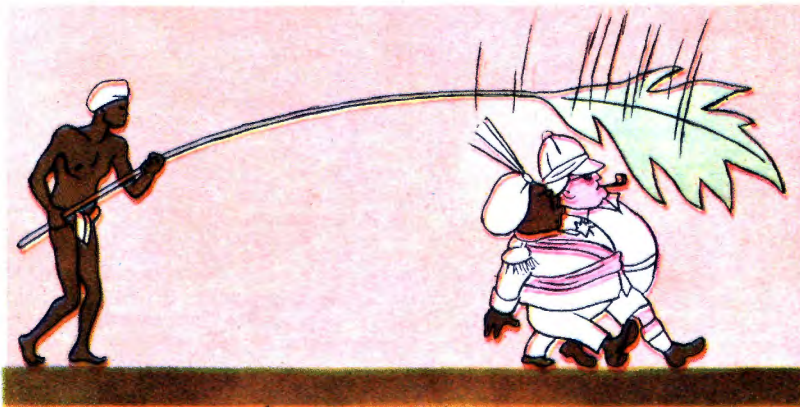
ДИКОВРАЗ (ПРАГА).
РОНАЅ (БРАТИСЛАВА).

Рисунок О. ШТЕБМЕРЫ («Дикобраз»).

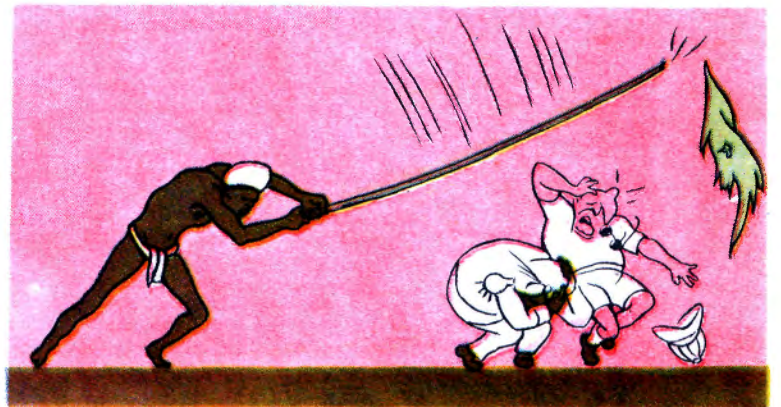

— Я делаю это исключительно для обеспечения свободы судоходства по Суэцкому каналу...

Рисунок И. ПОПА («Рогач»).

Вчера...

...и сегодня.

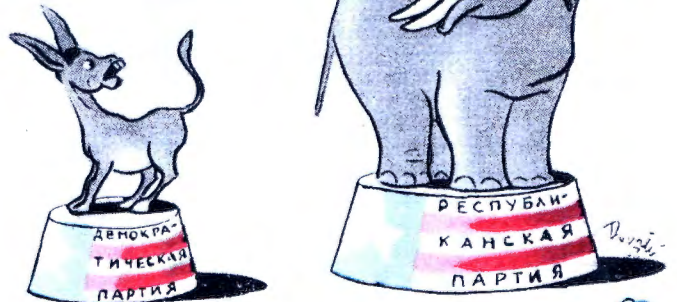
Рисунок В. РЕЙХМАНА («Дикобраз»).

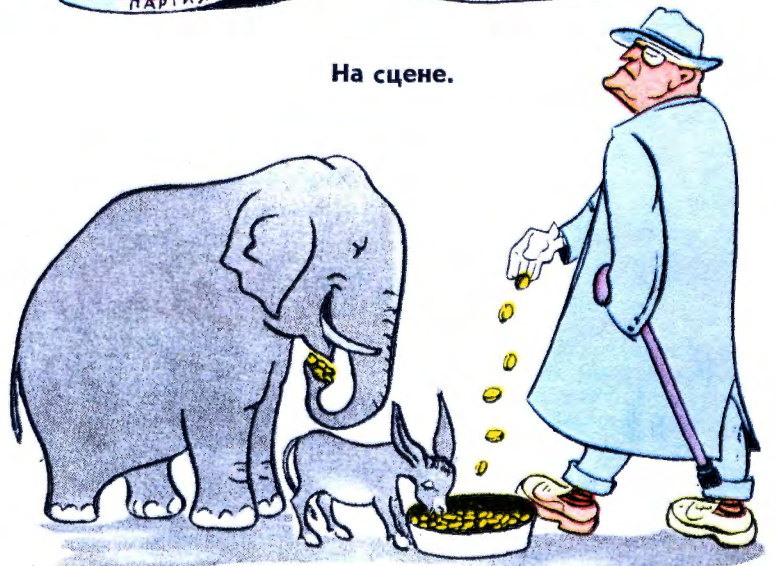
Без слов об усердии.

Рисунок А. РИХТЕРА («Рогач»).

ЗНАКОМЫЙ НОМЕР

На сцене.

За кулисами.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ИЗ-ЗА КАКИХ-ТО ПЯТИ КРОН...

— У меня к вам большая просьба, пани управдомша. Я, понимаете, забыл дома деньги, бегу за хлебом. Вы не могли бы меня выручить? Пять крон вполне достаточно. Не хотелось бы возвращаться...

— Ах, боже мой, пан Влах, конечно! Вам незачем извиняться. Деньги ведь нынче так и летят; купишь что-нибудь стоящее, позволишь себе немного лишнего, а перед получкой начинаешь шарить по карманам! Особенно вы, мужчины: то вам папиросы, то по стопочке... Нет, нет, и не говорите! Что же это за мужчина, который... А может, вам больше дать? Как говорится, сегодня ты мне, завтра я тебе...

— И сколько же он у вас выпросил, пани Новакова?

— Пять крон. Пять! Каково, а? Вы знаете, ведь я психолог. Когда он начал мямлить, что, дескать, забыл, не хочу возвращаться, я про себя думаю: «Ах ты, хитрюга! Дома, видите ли, забыл! Вернулся бы, голубчик, если б было за чем!». Вот она, новая интеллигенция, деньги-то прогуляют, а потом занимать!

— Извините, что перебиваю вас, пани Новакова. А вы на неё, на жену, внимания не обращали? Она с вами когда-нибудь разговаривает?

— Нет. Поздоровается, и всё.

— Вот видите, то-то и оно! Строит из себя коммунистку! Пожалуйста, никто у неё этого не отнимет! Если веришь, верь! Но если ты хорошо воспитана, остановись, поговори...

— Конечно. А она только: дома, мол, работа есть, дети ждут... Будто у нас детей нет!

— Между нами... Тут никого поблизости?.. Чего только о ней люди не болтают... Вчера как раз мне говорила одна знакомая, что дворничиха из соседнего дома говорила про эту... Я бы вам могла порассказать... Ужас!..

— Сегодня пять крон, завтра сто, а послезавтра, того и гляди, где-нибудь что-нибудь стащит...

— Да, мне жена уже сообщила. Слыхала от вашей жены. Я не люблю вмешиваться в чужие дела, но думаю, что он сам во всём виноват.

— Да нет, что вы! Его жена!

— Глядите, вон идёт Влахова. Вон, напротив! Идёт — ног под собой не чувствует, а дома, дворничиха говорит, мажет детям на хлеб горчицу! Вы их видели? Бедняжки! Хотя, признаться, выглядят они прекрасно. Здоровые, красивые, чистые дети...

— И это вам не кажется странным? Такие румяные щёки — и у таких родителей! Это, не иначе, болезнь! Кто знает, чем она их кормит!

— Весь дом только об этом и говорит! Да знаешь ты его: такой высокий, в шляпе. У управдомши на хлеб одалживает. Почему? Соображать надо!

— В жизни бы не подумал... Я его даже за кружкой пива никогда не видел...

— Конечно, он покупает где-нибудь подальше от дома. Нечего сказать, хорош партиец!

— Как его, говоришь, зовут? Влах? Влах... Влах... Так-так... Надо будет спросить о нём в парторганизации!

— Позвольте, мадам, я принципиально не верю сплетням. Но наша дворничиха пришла от их управдомши... Да, да, пан продавец, этих сардинок две банки... Повторяю, меня такая грязь не интересует. Но это факт, и факт прискорбный, если он должен занимать деньги на жизнь...

— Не говорите! И она не стыдится? Вы её знаете?

— Нет. Но могу себе представить. И к тому же двое детей! Да, ещё две бутылки вина...

— Дети в таком окружении... Говорят, что она бьёт их!

— Да это некий Влах, пан продавец. Живёт рядом с нами... Мадам, в такой атмосфере ничто не может быть исключено. Он же алкоголик! Говорят, стал пить из-за неё. А ведь был вполне приличным человеком, иногда здоровался со мной... Ещё бутылку рома, продавец, литровую...

— Почему его не посадят? Я бы ему показала алкоголь!

— Представьте себе, пани Новакова, я ваши пять крон так и не истратил. Оказывается, у меня в кармане были деньги, да я в спешке о них забыл. Вот. Возвращаю с благодарностью.

— Ах, оставьте, пан Влах, не стоит благодарности! Я уже о них и позабыла. Ах, как вы, пани Влахова, сегодня прекрасно выглядите, милочка! Всё цветёте? А этот свитер! Ах, ах! Из чистой шерсти? Ваш муж так заботится о вас! И есть за что! А что это за ящик вы несёте? Что, телевизор? Не может быть! Вот радость деткам! Ах, как вы прекрасно живёте!

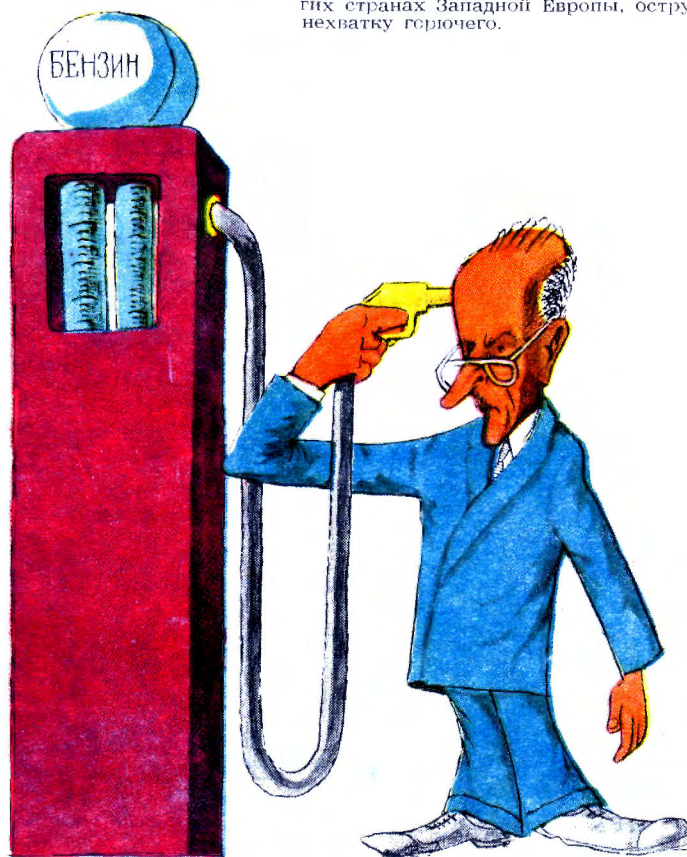
— Ну, ещё раз спасибо, пани Новакова. До свидания!

— Не сердите меня, пан Влах! Столько разговоров из-за каких-то пяти крон!

Из журнала «Дикобраз»
Перевела с чешского Вера ПЕТРОВА.

Рисунок Л. МИТЕЛЬБЕРГА (Франция), выполненный для «Крокодла».

Англо-французская агрессия в Египте вызвала во Франции, как и в других странах Западной Европы, острую нехватку горючего.

САМОУБИЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

В шутку и всерьёз

По долгу службы нам приходится сталкиваться с шутками и остротами разного рода. Бывают плохие шутки, бывают хорошие. Мы можем откровенно поздравить лондонскую газету «Дейли миррор» с хорошей шуткой.

Газета объявила, что она предоставит премию каждому, кто «правильно ответит на вопрос, какую политику должна в настоящее время проводить Англия на Арабском Востоке. Премия — трёхнедельный отдых на острове Ямайка, то есть там, где любят отдыхать от переутомления (особенно в последнее время) некоторые высокопоставленные английские деятели.

Известно, что это переутомление вызвано именно ближневосточными делами. Вопрос о Суэцком канале можно было бы урегулировать через дипломатические каналы. Правящие круги Англии избрали другой путь, и в Египет хлынули интервенты. Если теперь кое-кто из высокопоставленных английских деятелей и страдает от переутомления, то лишь по своей собственной вине. А в то же время как раз перед ними-то и стоит в первую очередь тот «коварный» вопрос, который задаёт своим читателям лондонская газета! Обращение «Дейли миррор» к читателям исполнено тонкой иронии, свойственной традиционному английскому юмору; и это трудно отрицать.

Нам кажется, однако, что трудно отрицать и другое: это обращение может иметь весьма неожиданные последствия.

Ямайка — остров небольшой. «Дейли миррор» читают тысячи англичан. Все без исключения разумные люди твёрдо знают правильный ответ на поставленный газетой вопрос, и этот ответ гласит: **Англии давно пора покончить с политикой колониального разбоя.**

Вот мы и думаем: а не вызовет ли соблазнительное предложение «Дейли миррор» угрозу трёхнедельной перенаселённости Ямайки? И не придётся ли часть читателей перебазировать, скажем, на французскую Ривьеру? А каковы расходы!

И всё же, по нашему мнению, редакторов «Дейли миррор» не должны особенно беспокоить подобные детали. Подавляющее большинство читателей, конечно, воспримет шутку в шутку, как и следует, и издатели «Дейли миррор» не пострадают. А если, на худой конец, и придётся заказать сотню — другую трёхнедельных путёвок на Ямайку, то разве добротный юмор не стоит того?

Острота, без сомнения, дошла до читателей «Дейли миррор». Дойдёт ли она до некоторых джентльменов, отдыхающих на Ямайке по собственной инициативе, — вот вопрос. Если «Дейли миррор» всерьёз решила повлиять на этих джентльменов в положительном смысле, то нам остаётся лишь пожелать ей всяческого успеха.

Два дня подряд сотрудница отдела технической документации настойчиво и беспрерывно звонила на квартиру своего заведующего — Муравьёва.

Прихворнувший Муравьёв в течение последних дней отлеживался на своей небольшой даче.

Соседке Муравьёва, достаточно нервной женщине, до смерти надоели звонки «со службы Муравьёва».

Последний звонок раздался в десять часов утра, как раз в тот момент, когда у раздражённой соседки сбежало молоко.

— Опять, наверно, из его отдела, — на ходу вытирая руки, сказала соседка.

— ...Кого? — уже с надрым спросила соседка, которая вообще не терпела Муравьёва. — Муравьёва? Помер он!.. Где помер? На даче своей помер! — И повесила трубку.

В отделе технической документации весьма охотно поверили этому сообщению, чему немало способствовали внутриотдельские отношения заведующего со своими сотрудниками.

В этот же день начальник хозяйственно-го отдела Дымарев вызвал сотрудника для разных поручений Сундукова.

— Слыхали? Муравьёв умер. Поручаю вам оформить похороны. Значит, так... Приобретёте гроб и венок. От администрации и коллектива. С лентами, конечно. В общем, вы знаете, что делать, не впервые сотрудников хороните, — вздохнул начальник хозяйдела — маленький лысоватый и заботливый человек.

Огромный, с упрямыми глазами Сундуков ответил не сразу.

— Муравьёва я хоронить не стану. Он на меня три кляузы написал... И вообще он склочник. Я такого покойника хоронить не буду. Отказываюсь.

— Ты в своём уме? С покойником будешь счёты сводить?... Словом, кончен разговор. В помощь возьми Акулова, от месткома поедет Никитин. Вот вы втрём и будете делегацией... Да, гроб доставите на дачу Муравьёва: на своей даче умер.

В огромном учреждении Муравьёв заведовал библиотекой технической документации. Сотрудники библиотеки — сплошь молодые специалисты — не любили своего начальника, доминавшего их тошнотворными придирками и жестоким педантизмом. К тому же работники библиотеки знали, что в личном сейфе заведующего лежит стопа бумаги в продолговатую голубую клетку. Кляузы и доносы Муравьёв писал на голубой бумаге.

Летом нелюбимый Муравьёв со старухой-тёткой и тремя кошками жил на небольшой дачке, полученной им в наследство.

Прожив на свете пятьдесят четыре года, заведующий технической библиотекой остался холостым.

— Умер? Ну и ладно, — сказал член месткома старичок Никитин. — О покойниках ничего дурного не говорят, но всё же не плохо, что он того... закрутился... Замучил он нас своими заявлениями. А в общем, бог с ним, все там будем.

Делегация дружно взялась за дело. Первым делом купили недорогой крашеный гроб. Затем на одной траурной ленте напечатали: «Дорогому Александру Михайловичу от коллектива и администрации», — а на другой: «Спи спокойно, мы твоё дело будем продолжать». Но спохватились, что покойник был склочником, и по требованию Сундукова надпись о спокойном сне ликвидировали. Вместо неё начертали новую: «Мы тебя никогда не забудем!».

Затем гроб и венки погрузили на машину, поставили в кузов три стула и покати-ли на дачу Муравьёва.

Грузовичок нёсся по летней дороге мимо весёлого леса, солнечных полей, по блестящему после дождя асфальту. Поблекшие в учрежденческих помещениях лица делегатов овеял встречный ветерок. Трое труженников оживились и остановили машину у первого придорожного сельмага.

Вскоре члены делегации, сняв пиджаки, расположились на зелёной травке и, не торопясь, приложились к одной бутылке «на троих» и двум бутылкам пива.

— Вот каждый день бы так! — мечтательно произнёс член месткома Никитин.

— Помынем! — басил самый скромный из делегатов — стеклографист Акулов.

Наконец делегация покатила дальше. Через полчаса грузовичок свернул на тихую дачную улочку. Женщина с корзинкой клубники указала им дачу Муравьёва — небольшой, крытый толем домик.

Грузовичок остановился у ворот, Никитин и Акулов приподняли гроб, а Сундуков поставил ногу на борт, чтобы прыгнуть на землю, и... застыл.

Из-за палисадника на прибывших глядел сам «покойник», Муравьёв. Немая картина требовала художника. На грузовике у гроба стояли двое с разинутыми ртами, а третий на фоне венка с занесённой ногой. «Покойник» в это время внимательно читал надпись на траурных лентах.

— Интересное, когда я умер? — скрипучим, почти потусторонним голосом спросил заведующий технической библиотекой.

Услышав живой голос, делегация вздрогнула. Огромный Сундуков залепетал:

— Мы... нас... Нам что. Нам товарищ Дымарев приказал... Сундуков глядел на Муравьёва, как озадаченный бык. — Нам всё равно — живите!

Старичок Никитин быстро поддержал Сундукова:

— С нашей стороны к вашей жизни никаких препятствий нету... Живите, если желаете.

— В общем, получилась ошибка, — высказался и стеклографист Акулов. — А ошибки надо исправлять. Раз такое дело, поедем домой и сдадим гроб на хранение.

Но тут произошло неожиданное. Муравьёв подошёл к грузовику и потребовал: — Спрячьте гроб. Я сам разберусь, покойник я или нет.

— А чего! Нам такое добро не жалко, — сказал член месткома. — Пожалуйста. Только ты, товарищ Муравьёв, дай нам расписку, что, мол, своё похоронное оформление ты получил от нас, как бы сказать, в полном порядке. А то ищи тебя потом, покойника.

— Братцы! — воскликнул стеклографист Акулов. — А может, это нам снится?

Заведующий библиотекой — сухощавый человек с желчным, несколько удлинённым лицом, немного скошенным ртом и длинными, зачёсанными назад редкими волосами — действительно напоминал покойника.

— Долго я вас просить буду? — нервно сказал Муравьёв. — Или прикажете за мидией сходить?

Делегаты хорошо знали нрав и характер «покойника», они переглянулись, открыли борт и сгрузили гроб и венки. Никитин всё же заставил Муравьёва написать расписку, и гроб внесли в комнату, уставленную цветочными горшками.

На другой день заместитель начальника управления, кандидат технических наук Кондырев уже читал заявление неумершего Муравьёва, в котором было сказано:

«Вчера кто-то из непроверенных лиц, еще работающих в нашем учреждении, распространил провокационный слух, будто я умер. Это было сделано с явной целью скомпрометировать меня и ввести в смятение руководимый мной отдел. Но — увы! — я жив».

Трое других злопыхателей, а именно Сундуков, Акулов и Никитин, беспринципно обрадовались и взялись организовать личные похороны. Для меня был куплен гроб. Но какой гроб? Сосновый и плохой окраски. А главное, гроб был куплен без мерки, на глазок. В этом гробу мог бы вполне поместиться даже такой детина, как Сундуков. Мне же при моей невысокой и умеренной плотности фигуре в нём было бы слишком просторно, и я выглядел бы смешным».

— Не может быть! — вскричал и забегал по кабинету кандидат технических наук. — Нормальный человек такого заявления не напишет.

— Муравьёв всё напишет! — сказал вызванный для объяснения начальник ЖОЗО Дымарев. — Это склочник-люкс! Я подсчитал: за последние два года он написал сорок шесть заявлений. В среднем по две кляузы в месяц. Читайте дальше.

— «Венок тоже дрянной», — читал дальше Кондырев. — Цветы все искусственные, большей частью жёлтого и белого колера. Мне же за мою беспорочную службу полагаются главным образом красные цветы. Начальник ЖОЗО Дымарев, о котором я уже не раз сигнализировал, очевидно, решил сэкономить на моих похоронах, чтобы своих любимчиков. Также удалось установить, что меня, заведующего отделом, хотели похоронить без положенного оркестра. Настоятельно прошу назначить комиссию и поручить ей расследование возмутительного факта о бездушном отношении к покойнику, в частности, ко мне лично.

Гроб и венки я специально задержал на своей даче, и комиссия может их затребовать в любое время».

А через три недели Кондырев читал ещё пять заявлений, пересланных ему из разных организаций. В них Муравьёв жаловался на волокиту и бюрократизм в связи с разбором его заявлений по поводу несостоявшихся похорон.

— Можно сойти с ума! — уже вопил заместитель начальника управления. — У меня десятки неотложных дел, а этот «покойник»

заставляет меня читать какие-то несусветные жалобы! Что делать? — обратился Кондырев к одному из инженеров, который находился у него на докладе.

— Попробуйте сократить его, что ли... — посоветовал инженер.

— Сокращали! — с каким-то хрипом вы-

рвалось у заместителя начальника управления.

— Ну, просто уволить.

— Увольняли!

— Убить его, что ли?

— Даже хоронили. А он всё пишет!

Когда Муравьёв написал шестое заявление в адрес довольно высокой инстанции, в техническую библиотеку неожиданно пришёл сам начальник управления, доктор технических наук Мамонтов.

Мамонтов, вежливый и мягкий человек, в эту минуту выглядел суровым и торжественным. Мамонтов остановился посреди зала и внятно обратился к Муравьёву, так, чтобы его слышали все сотрудники:

— У меня в руках все ваши заявления, многоуважаемый товарищ Муравьёв! Я признаю: ваши похороны действительно были организованы скромно, даже слишком скромно. Вы, наверное, заслуживаете большего. Установлено, что вас хотели отправить в последний путь, я бы сказал, в неважном оформлении. Но, по-моему, чтобы заслужить достойное и почётное сопровождение на последнем пути, весь свой жизненный путь следует пройти так, чтобы тебя здесь, на этом свете, хотя бы уважали. Ува-жа-ли!

Все молодые специалисты библиотеки невольно в едином порыве сказали:

— Совершенно правильно!

— В таком случае я кончил! — улыбнулся Мамонтов. — А за происшедшее я от имени руководства приношу вам свои глубокие извинения.

Мамонтов положил на стол Муравьёва все его заявления и, сделав обычный поклон, вышел.

По законам жанра в этом месте полагался бы благополучный конец, вроде того, что гроб и венки с лентами не пропали и в скором времени были использованы по назначению. Но... к сожалению, склочники — народ живучий.

Только на днях Муравьёв приобрёл новую стопу голубой бумаги в продолговатую клетку.

ВСЮДУ НАСТУПИЛА ЗИМА...

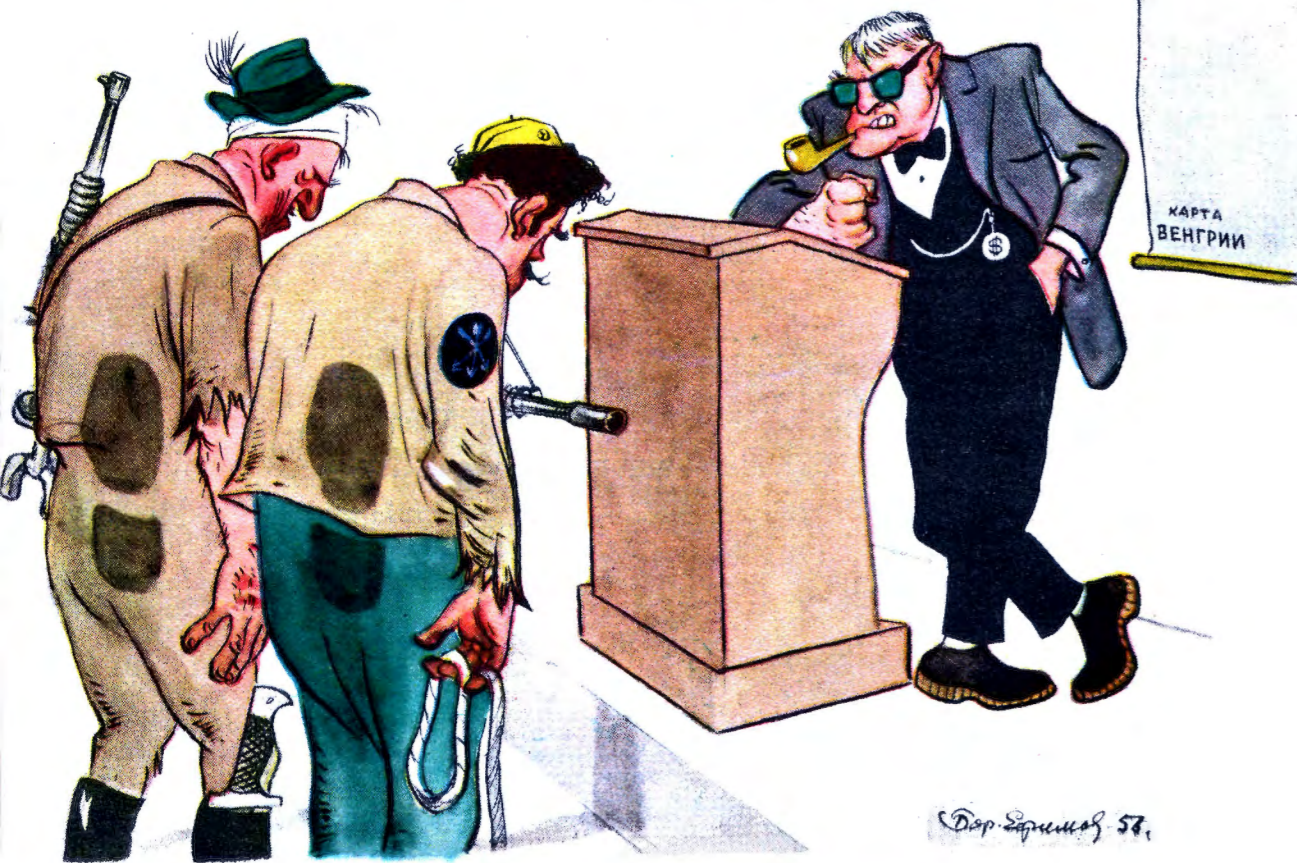
Рисунок Ю. УЗВЯКОВА.

В Барнауле плохо удовлетворяют спрос на зимние товары.

и только тут ещё лето.

В МЮНХЕНСКОЙ ШКОЛЕ ДИВЕРСАНТОВ

— Учили тебя, учили, а ты опять провалился...

Ганс ШЕРЕР

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Раньше, когда не существовало понятия «психологический эксперимент», человечество было просто беспомощно. Если «рабочая скотинка» вдруг начинала упрямяться и брыкаться, господа обычно говаривали: «Пусть серое быдло не капризничает, а тянет свою ляжку!» Не то в наши дни. Сейчас в таких случаях пользуются услугами специалистов по трудовой психологии.

Рабочие и служащие фабрики каменных щипцов «Книрим и К^о» имеют счастье находиться под опекой специально нанятого психолога, который считает панацеей от всех бед «психологический эксперимент».

И вот в один прекрасный день на фабрике случилось нечто из ряда вон выходящее. Невероятно! Неблужданно! — восклицал красный как рак Книрим-старший, капитан запаса и участник двух мировых войн.

— Скандал! — вторил ему герр фон Эртцен — бывший подполковник, занимающий должность надсмотрщика.

Что же, собственно, произошло? В одном из уголков фабрики был обнаружен написанный от руки и прикрепленный кнопками к стене плакат следующего содержания:

«ДОЛОЙ ВЕРМАХТ!
Германия не должна быть причиной третьей мировой войны!»

Владельцы фабрики были возмущены и потрясены. В кабинет директора немедленно вызвали психолога:

— Господин доктор, вы, наверно, уже знаете, в чём дело. Мы весьма рассчитываем на вашу находчивость и надеемся, что виновник будет найден.

Доктор пообещал в кратчайший срок решить эту задачу с помощью «психологического эксперимента» и безотлагательно принялся за работу.

Из общего списка рабочих и служащих он выбрал по одному человеку с каждого производственного участка. Затем вывесил на стене своего кабинета «мерзкий» плакат таким образом, чтобы его хорошо видел каждый входящий.

Потом он стал поодиночке вызывать всех отобранных. Каждому из них он говорил одни и те же слова:

— Здравствуйте! Я пригласил вас, чтобы проделать несложный психологический эксперимент. Вам нечего бояться. Взгляните, пожалуйста, на этот плакат. Там! Вы посмотрели. Ваша первая реакция самая непосредственная. А теперь прошу вас ответить на один-единственный вопрос: что вы подумали, глядя на этот плакат? Ответы были даны такие.

ШТАМПОВЩИК: Вот так буквы! Они же все неодинаковые! Кроме того, кривочки нужно было вывести аккуратнее...

ПСИХОЛОГ: А чего-нибудь другого вы не заметили?

ШТАМПОВЩИК: Нет. Между прочим, это уже второй ваш вопрос.

ФОРМОВЩИК: Плакат слишком маленький, да и шрифты-то мелковат. Определённо мелковат. Ну, смотрите, господин доктор, отойдеш на несколько метров — и уже трудно прочесть.

ПСИХОЛОГ: И это всё?
ФОРМОВЩИК: Видно, у парня, который это писал, нет опыта.

ЛАКИРОВЩИК (иронически усмехаясь): Ха-ха! Умора! Совсем не тот формат! Все буквы сбивились в кучу. Посмотрите-ка сюда. Картон надо было взять вст каной длины. Во!

ПСИХОЛОГ (нервно): И больше у вас никаких возражений нет?
ЛАКИРОВЩИК: Уж вы не обижайтесь, но даже самый ленивый ученик сделал бы это лучше!

УПАКОВЩИК: Боже мой! Ай-ай-ай! «Вермахт» без «!»! Дальше ехать некуда! По-моему, так: пусть ты даже простой человек, но знать грамматику обязан. Этому же ещё в школе учили! Правильно я говорю, господин доктор?

ПСИХОЛОГ (раздражённо): Ну и что ж из этого?
УПАКОВЩИК: Ладно, пусть будет так. В конце концов из-за какой-то одной буквы мир не перевернётся...

КОНТОРЩИЦА: Эту штуку я уже где-то видала. В каком-то малоприметном уголке. Что за умник догадался её там повесить? Ведь есть же большая доска для объявлений!

ПСИХОЛОГ: Следующий!..

Дня через два психолог — эта хитрая лиса — докладывал собравшимся в директорском кабинете руководителям предприятия:

— Господа! Наши рабочие и служащие единодушно — я повторяю, единодушно — отменяются от этого позорного плаката. Уже хотя бы на чисто формальном основании они его полностью отвергают. Так что о содержании нечего и говорить! Мы победили, господа!

Из сатирического журнала «Дер дейче Михель» (ФРГ).

Перевёл с немецкого В. БОЕВ.

Как успокоить налогоплательщика

Психологи давно подметили поразительный фант: люди не любят отдавать свои деньги, особенно когда они ничего не получают взамен.

Естественно поэтому, что американский налогоплательщик очень не любит платить налоги. Тем более, что, с одной стороны, теперь ему приходится платить во много раз больше, чем до войны; с другой — деньги его тратятся совсем не на то, на что бы ему хотелось.

По сообщению американской газеты «Телеграм», в Лос-Анжелесе власти нашли блестящий способ умиротворения налогоплательщиков: «В день сбора налогов всем чиновникам налогового управления приказано не улыбаться, не выглядеть весёлыми и беспечными». Объяснения, которые давались клеркам, гласили: «В конце концов налогоплательщики несчастны, поэтому должны казаться несчастными и мы».

Учитывая, что столь тонкий подход к налогоплательщику найдёт в США самое широкое применение, мы явственно представляем себе сценку, которая, возможно, поможет распространению передового лос-анжелосского опыта.

Налоговое управление. День расчёта с налогоплательщиками. Шторы приспущены, прислу-

щен в знак траура и государственный флаг на крыше. Люстры обтянуты чёрным крепом. Играет невидимый оркестр. Печальные звуки траурного марша Шопена заглушают треск пишущих машинок. Заведующие отделами время от времени посыплют себе головы пеплом. Машинистки и стенографистки, подобно хору в античной трагедии, громко стеноуют.

Входит угрюмый налогоплательщик. Барышня-кассира, взглянув на его счёт, пытается выброситься в окно. При этом она рыдает: «Нет, я не могу вынести столь большого налога на вас, сэри! Нет, нет, не держите меня, лучше дайте мне синильную кислоту, мышьяк, цианистый калий...»

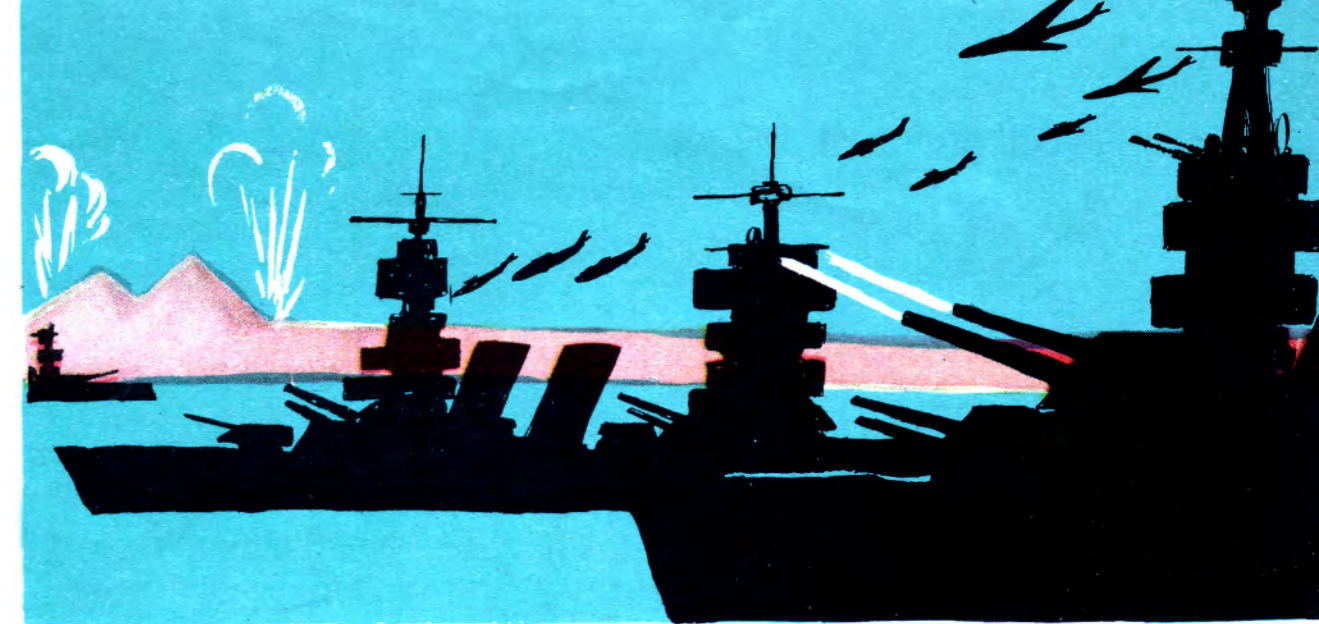
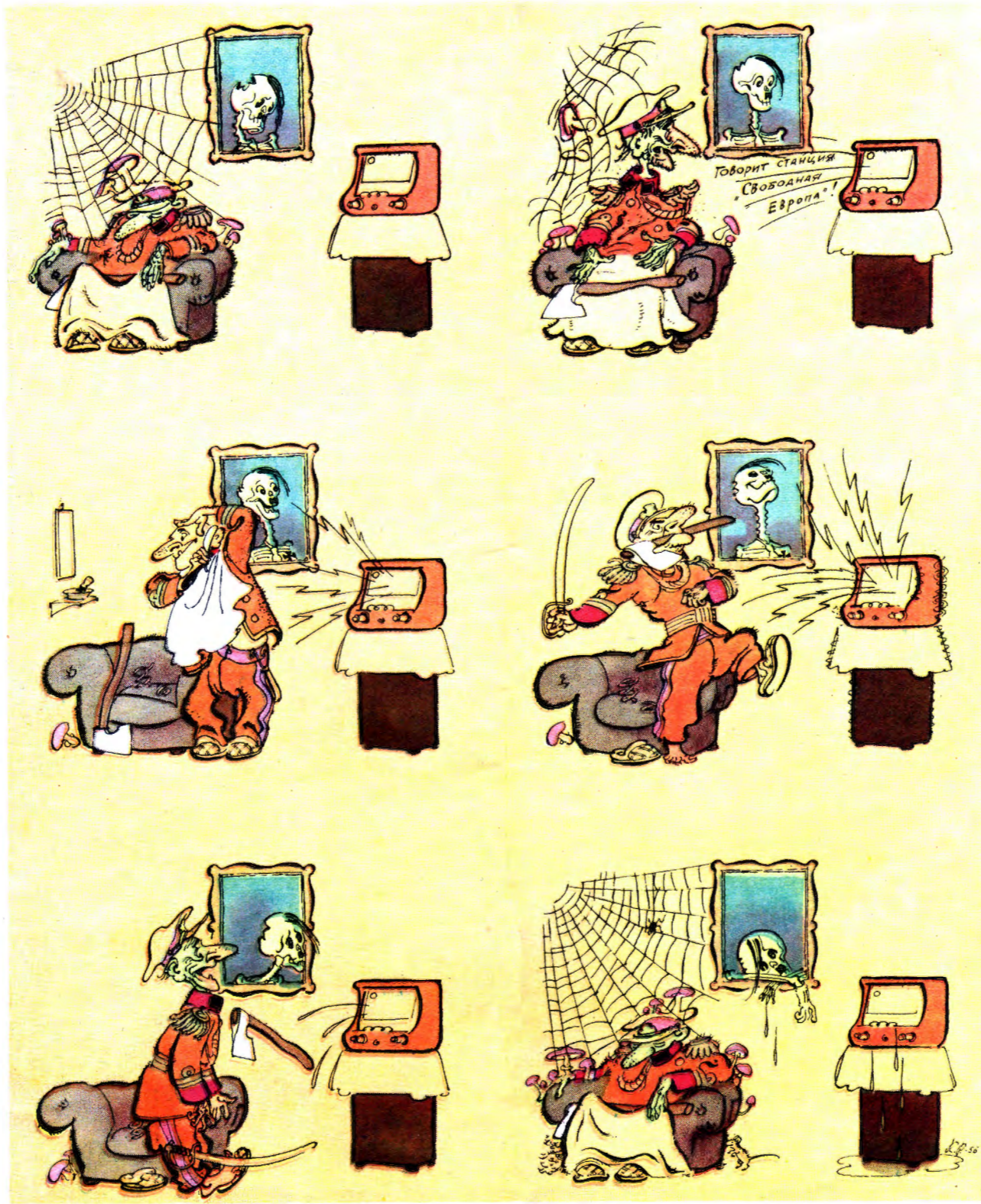
Итак, растроганный налогоплательщик охотно платит налоги, а в налоговых управлениях расцветает самодеятельное драматическое искусство. На собранные деньги производятся водородные бомбы и даются миллиардные заказы «Дженерал моторс» и Дюпону. «Дженерал моторс» и Дюпон смеются, налогоплательщик плачет, сборщик налогов встает вслух и смеётся про себя. Всё очень просто и гуманно!

Г. ЮРЬЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОСКРЕШЕНИЯ ИЗ ПОЛУМЕРТВЫХ

или адмирал Хорти и события в Венгрии.

Рисунок К. РОТОВА.

Агрессия была поддержана с моря, воздуха...

Представители колониальных держав в ООН пытаются доказать, будто варварское нападение на Египет преследовало цель... «укрепления мира на Ближнем Востоке».

Рисунок Бориса ЛЕО.

...и с трибуны Генеральной Ассамблеи.

На долую память

Недавно газеты и радио сообщили об ораторском дебюте боннского министра «обороны» Франца-Иосифа Штрауса.

Вообще-то говоря, речь эта ничем особенным не отличалась — заурядная реваншистская речь. Но всё-таки одна фраза герра Штрауса обратила на себя внимание.

«Мы живём в век техники, — патетически воскликнул министр «обороны», — когда объединённых сил союзников достаточно для того, чтобы стереть Советский Союз с географической карты!»

Вот яркий образец того, как несовершенна человеческая память! Выступить с подобными заявлениями в наши дни да ещё приурочивать их к пятнадцатой годовщине разгрома гитлеровских армий под Москвой!

Кстати сказать, лозунг насчёт того, чтобы «стереть Советский Союз с географической карты», отнюдь не блещет новизной. У Франца-

Иосифа Штрауса был предшественник — некто Адольф Гитлер.

Миллионы немцев хорошо помнят всё то, что связано с этим зловещим именем. А герр Штраус запомнил. Начисто забыл!

Отважный боннский министр забыл и ещё об одной детали, относящейся уже к нему лично. А именно — он забыл о тех декабрьских днях 1942 года, когда он сам, полуживой, с черневыми от мороза ногами, лёлся из-под Сталинграда в западном направлении.

Герр Штраус занял пост руководителя боннского военного ведомства совсем недавно — несколько недель назад. И уже успел отличиться.

Интересно знать: по какому принципу в Бонне подбирают министров? Судя по всему, для кандидата на министерский пост забывчивость есть первейшее условие.

НОЧЬ ВОСПОМИНАНИЙ

На днях в городе Н. состоялась не совсем обычная киноконференция.

В двенадцать часов ночи в зрительном зале центрального кинотеатра города неожиданно вспыхнул яркий свет, раздвинулся бархатный занавес, и с белого квадрата киноэкрана один за другим стали сходить в зал фигуры участников конференции. Случись быть при этом какому-нибудь зрителю, он замер бы поражённый, увидев среди сошедших «Свинарку» под руку с «Пастухом», «Закройщика из Торжка», «Трактористов», «Тимура» в сопровождении его команды, «Попрыгунью», «Весёлых ребят», «Парня из тайги», «Детей капитана Гранта» во главе с неунывающим Жаком Паганелем и многих других ветеранов киноэкрана.

Последним осторожно спустился на сцену «Человек в футляре», продолжая что-то нудным голосом разъяснять «Сельской учительнице», доведённой его проповедью до белого каления.

Когда все расселись и оживлённый говор начал затихать, на трибуну поднялся «Секретарь райкома».

— Дорогие товарищи,— заговорил он, привычным движением одёрнув гимнастёрку,— первую конференцию героев кинофильмов считаю открытой! (Продолжительные аплодисменты.) Мы собрались для того, чтобы обсудить ряд моментов, касающихся нашего близкого общения с массами в сельских местностях. (В зале оживление.) Товарищей, побывавших в этом году на экранах колхозных клубов, прошу поделиться своими впечатлениями и конкретно сказать, что препятствовало их нормальной деятельности на экране. (В зале начинается движение, сдержанный говор.) Вот вы, господин Паганель, что можете сказать по этому поводу?

— Я? (Встаёт, потирая высокий лоб.) Я хочу, дорогие коллеги, поговорить о зрителях. Какой чудесный у нас зритель! Как приятно иметь общение с ним, невзирая на многочисленные преграды между нами и зрителями! А преграды эти отравляют жизнь и им и нам. Вот совсем недавно довелось мне побывать в клубе совхоза имени Ленина, Тюменской области. Всем известно, что я человек без претензий, привыкший к иронии судьбы. Но то, что пришлось мне пережить там, сверх моих сил. Представьте себе полуразвалившийся клуб, рассчитан он на двадцать пять мест, а в него набилось человек сто. Невозможно повернуться! Но это ещё полбеды. А сквозняки, врывающиеся через щели стен и потолка клуба! Меня так просквозило, что я до сих пор... (Чихает.) Благодарю вас! В общем, обстановка там очень и очень нездоровая.

Едва аплодисменты стали смолкать, раздался гневный голос «Сельской учительницы»:

— Правильно заметил уважаемый Жак Паганель! В некоторых сельских районах успеваемость по культурно-просветительной работе очень и очень низкая. Я, как педагог, буду говорить о молодёжи, в том числе и своих коллегах. В этом году я посетила посёлок Улла, Витебской области. Там живёт много молодых людей. И где они, по-вашему, вынуждены проводить культурные мероприятия? В бывшем помещении гаража, именуемом Домом культуры! Я спросила одну молоденькую учительницу, чем она занимается в свободное время. Та, подумав, ответила: «Пишем заявления в областное управление культуры, в обком и другие органи-

зации с просьбой помочь нам построить помещение, которое хотя бы отдалённо оправдывало своё название Дома культуры».

На сцену торопливо вбежала «Укротительница тигров».

— Извините, пожалуйста, что я опоздала,— возбуждённо затараторила она.— Мы только что были в клубе спиртового завода на станции Гирей, Северо-Кавказской железной дороги. И, представьте себе, сеанса не было. Мои тигры не привыкли выступать в здании без крыши, без дверей и окон. Чем животные виноваты, что клуб на протяжении десяти лет никак не могут достроить? А Пурш мой до того рассвирепел, что бросился разыскивать виновных лиц. Ворвался он в кабинет директора спиртового завода тов. Смирнова — и на него... Тот, естественно, обомлел от страха, шмыгнул в негосраемый шкаф и оттуда, заикаясь, забормотал: «Это не я, это не моя вина... Я тут ни при чём, ты управляющего спиротрестом Федорина возьми за бока». Ну, Пурш тут же поскакал за Федориным!

— Ай да умница зверь! — радостно захлопал в ладоши «Доктор Айболит».

— Тише, товарищи, тише! — «Секретарь райкома» поднял руку.— Вот гражданка Мерчуткина из чеховского «Юбилея» желает что-то сказать.

— Я женщина слабая,— томно заговорила Мерчуткина,— беззащитная. Но как насмотрелась, что творится в клубе села Вознесенка, Люксембургского района, Чкаловской области, аж прямо взорвалась. Там так накурено, столько чаду и керосиновой гари от ламп, хоть топор вешай. Прямо, прости господи, хуже, чем в кабаке! А ещё я успела разглядеть, что в клубе мусора, пыли и грязи на двадцатипятилетний самосвал хватит. Культурных мероприятий никаких. Ежели вы мне не верите, «Трактористов» спросите. Они были там во время уборочной кампании.

— Верно говорит старуха! — в один голос ответили «Трактористы». — Слишком безобразно относятся к культурному отдыху молодёжи в некоторых сёлах. Вот, например, этой осенью были мы в МТС, что находится в селе Солоновке, Алтайского края. Молодёжи много, а клуба нет. Вернее, он был, но летом его снесли. Председатель колхоза тов. Михалко авторитетно заявил: «Не огорчайтесь, товарищи, я вам такой дворец культуры отгрохаю, как в сказке». Но так до сих пор и «грохает».

Зал загудел. Было видно, как «Антон Иванович» окончательно рассердился и грозно затряс кулаками.

«Доктор Айболит» встал, поправил очки и заговорил:

— Я думаю, тем работникам, которые чинят препятствия общению между нами и зрителями, следует прописать припарки и соответствующие горькие пилюли. (В зале бурные аплодисменты, возгласы «Браво, доктор!», «Ура Айболиту!») Все встают. Затем киноэкран поглощает по очереди всех участников конференции. Свет медленно гаснет. А город мирно спит, плотно закутавшись в тёмное покрывало ночи. Лишь круглая луна, выглянув из-за тучки, лукаво подмигивает кому-то.)

О. БИБИХИНА,
В. ЕЛОХИН

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Вас

Директор МТС Себялюбцев:— Ну, теперь я за свою технику могу не беспокоиться...

Гибель удава

Молодой артист цирка Алексей Буреломов решил создать невиданный до сих пор аттракцион — «Смешанная группа хищников и крупных гадов». Бухгалтерия быстро выписала нужные средства, и Алёше были закуплены в зоопарках страны следующие звери: берберийская супружеская пара — лев Цезарь и львица Клеопатра — и гималайский медведь Вавилыч, на которого Алёша возлагал большие надежды как на будущего комика труппы.

Была приобретена пантера Красавица. Выходя на манеж, она принималась сводить не законченные ещё в Африке счёты с львицей Клеопатрой, вовлекая в эту склоку и Цезаря.

Большой дог, по замыслу артиста, должен был символически изображать «Собаку — друга человека» и помогать человеку — в данном случае Алёше — в его победах над хищниками и гадами.

А к группе гадов относились два флегматичных маленьких крокодилчика Тотоша и Кокоса и громадные удавы Маститый и Душечка.

На удавах строился финальный трюк аттракциона. Они обвивали Алёшу тугими кольцами, а он вырывался от них и под звуки туша покидал манеж.

Аттракцион был создан и превзошёл все ожидания. Алёшу сравнивали с такими прославленными дрессировщиками, как Тогарэ и Борис Эдер, и подчёркивали явное алёшино преимущество.

Наступил волнующий день просмотра и сдачи аттракциона.

Шесть мест в первом ряду заняла комиссия, высокоавторитетная комиссия, представленная цирковым начальством. Два бравых пожарных в блестящих касках стояли в боковых проходах с брандспойтами в руках, подчёркивая всю опасность алёшиной затеи.

Вспыхнули молочным светом фонари. На манеж вышел знаменитый цирковой инспектор Александр Борисович.

«Аттракцион «Смешанная группа хищников и крупных гадов» под руководством Алексея Буреломова!» — прокричал он зычным голосом.

В клетку, великолепно рыча и хлеща себя хвостами, вбежали Цезарь и Клеопатра. Пометавшись по манежу, они заняли полагающиеся им места на тумбах.

Алёша щёлкнул хлыстом, и из прохода, переваливаясь, вышел Вавилыч — главный комик труппы. Уже одно его появление, по замыслу постановщика, должно было вызывать смех в рядах зрителей. Но комиссия хранила зловещее молчание. Вавилыч обиделся на холодный приём и повернул было вспять, но под магическим взглядом Буреломова, недовольно ворча, сел на большой зелёный барабан.

Оживление внесла пантера Красавица. Визжа и плюясь, она, как чёрная молния, ворвалась в клетку и с ходу схлестнулась с львицей Клеопатрой. Заревел Цезарь... Пожарные схватились за брандспойты, Алёша выхватил револьвер. Словом, всё шло так, как полагается. Дог — «Собака — друг человека» — ни на шаг не отходил от Алёши, а Буреломов, загнав пантеру в угол клетки, кормил её кусками кровавого мяса, и она, ласково мурлыча, терлась о колени смелого дрессировщика.

Неторопливо вылезли коричневенькие Тотоша и Кокоса; шипя и свиваясь в клубок, выползли громадные удавы Маститый и Душечка.

Алёша работал вдохновенно. Но комиссия загадочно молчала.

...Закончив работу, дрессировщик отправился на обсуждение.

Председатель комиссии, немолодой человек с равнодушными глазами, открыл заседание. Он много видел, этот председатель. За свою долгую жизнь он успел достаточно поработать в искусстве и хорошо понимал, какие оно таит в себе неприятности. Основным его жизненным и творческим правилом было: «Осторожность, осторожность и ещё раз осторожность».

«Обменяемся впечатлениями», — сказал он привычно ласковым тоном.

Первое слово взял работник литературной части.

Пожалев, что к созданию номера Буреломова не были привлечены ведущие писатели РСФСР и союзных республик, он обвинил аттракцион в идейной неполноценности и долго и нудно говорил о неуместном комиковании медведя Вавилыча, вызывающего животный смех зрителей. Он же сказал, что Цезарь и Клеопатра плохо выполняют свои роли, так как дрессировщик в работе с ними пренебрёг системой Станиславского и «методом физических действий».

Всё это было занесено в протокол. Кроме того, Алёшу обвинили на всякий случай в недооценке сатиры как жанра.

Были и другие критические замечания. Так, например, в финале предложили снять удавов с артиста, чтобы зрители не волновались за его жизнь и за судьбу его семьи.

...Начались переделки. Просмотр следовал за просмотром. Растерянный Алёша снимал юмор у Вавилыча и держался поодаль от удавов, чтобы не вызывать у зрителей ненужных мыслей о своей смелости.

А звери и крупные гады всем своим поведением доказывали справедливость учения великого Павлова об условных рефлексах. При одном слове «просмотр» они начинали жалобно выть и забивались в угол клетки.

Медведь Вавилыч стал где-то доставать водку и каждый вечер напивался до животного состояния.

Алексей Буреломов похудел и осунулся. Ночью он изливал свою душу догу — «другу человека». Дог смотрел на него преданными человеческими глазами и как бы говорил: «Ничего, может быть, всё ещё обойдётся... Хотя вряд ли!».

Первым сдал окончательно удав Маститый. У него начались конвульсии и колики, он сменил несколько кож и лёг недвижимо.

Вызванный к удаву цирковой ветеринар большой суповой ложкой раскрыл его пасть и сказал, что впервые встречается с такой болезнью. Ему кажется, что это нервное переутомление, вызванное просмотрами.

Приближался крах аттракциона, и бухгалтерия готовилась уже списать в убыток всё сложное алёшино хозяйство... Но не было бы счастья, да несчастье помогло! Однажды летом, когда вся комиссия была в отпуске, а председателя комиссии перевели не то в какую-то сценарную студию, не то в издательство, в цирке, где Алёша дожидался расформирования своего аттракциона, заболел заслуженный артист республики, выступавший в финальном номере программы — «Полёт на санях под куполом цирка». И директор цирка вынул Алёшу и его друзей на манеж.

Буреломов понимал, что это является нарушением просмотровой дисциплины. Но, махнув рукой на всё, приступил к работе.

...Гремел оркестр. Словно чёрная мрачная статуя, в главном проходе стоял Александр Борисович.

Цезарь и Клеопатра рычали так, что их было слышно в родной Сахаре. Медведь Вавилыч выказал себя незаурядным комиком и вызывал оглушительный хохот зрителей.

Пантера Красавица становилась на дыбы и всем своим разнузданным поведением показывала, что только присутствие пожарных и железная воля дрессировщика удерживают её от всяких опрометчивых поступков. Дог, неоднократно жертвуя собой, бросался навстречу опасности, давая понять, что он друг человека вообще и Алёши в частности.

Крокодилчики Тотоша и Кокоса весело путались под ногами, содействуя общему оживлению и успеху.

Финальный трюк превзошёл все ожидания. Дорвавшийся до работы удав Душечка, желая проявить свою любовь к дрессировщику, чуть было действительно не задушил его в своих стальных объятиях.

...Алёша работает сейчас в цирках страны и пользуется грандиозным успехом. Говорят, что его даже хотят послать за границу.

Вот так счастливо кончился наш рассказ. В нём, правда, есть одна жертва — удав Маститый.

Но если бы автор писал рассказ из жизни кино, театра или эстрады, может быть, жертв было бы ещё больше.

Первая песенка

Ты напечатал первый том
Стихов достойных и приятных,
Он вышел в свет, и в томе том
Не меньше двух листов печатных.
Ты напечатал первый том,
Об этом знает весь твой дом,
И перед целым светом
Ты выглядишь поэтом!

Итак, твой стих увидел свет,
И критик в праздничном подвале
Тебя не разругает, нет,
А снисходительно похвалит!
Ему приятно ощущать,
Что это он пути в печать
Открыл своею дланью
Младому дарованью!

Но ликовать ты не моги.
Сам по себе ни добр, ни злобен, —
Он завтра, встав с другой ноги,
Тебя же разругать способен.
Вот так, солиден и мастит,
Сегодня он пересластит,
А завтра почему-то
Посолит слишком круто!

Пусть не пьянит тебя успех,
А ругань не считай потерей.
Ведь есть, помимо прочих всех,
Один классический критерий!
Припомнить стоит, например:
Свои комедии Мольер,
Включая все ремарки,
Читал своей кухарке!

Суждение людей простых —
Что может быть нужней и выше!
...Итак, ты напечатал стих...
Ты, так сказать, в поэты вышел!
Бухгалтер поместил уже
Тебя в графу о платеже.
И юный автор виршей
Знакомится с кассиршей.

— А где же лыжи! Потерял!
— Нет, не нашёл...

Нередко в спортивные магазины лыжи и палки
для них завозят некомплектно.

Теперь скажи нам напрямик:
На что истратишь ты получку!
На несколько хороших книг!
На самопишущую ручку!
На камерный абонемент!
Иль на отрез жене в презент!
Житейские соблазны
Весьма разнообразны!
Однако всё-таки учти
Одну лишь истину простую:
К победам творческим пути
Ведут отнюдь не чрез пивную!
Не на вакхический угар
Истрать свой первый гонорар.
На заработок первый
Купи дары Минервы!

Поэта доля такова:
И соблазняет и тревожит,
Она не только даст права,
Но и ответственность наложит.
У нас поэты быть должны
Живою совестью страны!
Ты думаешь об этом!
Не торопись с ответом!

Тут всё: и мысль, и сердца пыл,
И рифмы блеск, и ритмы песни!
Ты помнишь, Гоголь нас учил
«Со словом обращаться честно!»
Ты эти строгие слова
Скажи себе не раз, не два,
На знамени их вышей
И — марш вперёд и выше!

Быть может, я движенье сил
Не слишком точно разграничил,
И что-то недооценил,
И кое-что преувеличил.
В конце концов не в этом суть,
А в том, чтоб на нелёгкий путь
Благословить толково
«Приятеля младова!»

И чтоб его предостеречь,
Чтоб счастья он не проворонил!
Об этом речь, об этом речь,
И нужно, чтоб ты это понял!
А если понял ты и всё ж
На подвиг творческий идёшь,
Нужна ли проволоочка!
Иди! Работай! Точка!

С шубою раскаянием...

Судебные зарисовки

Написанный в минуту самокритической про-светлённости и принятый к сведению в 127-м отделении милиции города Москвы, этот документ гласил:

«Обязательство»

Я, гражданин Климов Александр Андреевич, проживающий по адресу 1-й Боткинский проезд, дом 2/6, кв. 31, считаю свой поступок нехорошим, который выразился в том, что 24 ноября 1955 года я, будучи в нетрезвом состоянии, насыпал в кастрюлю со щами и мясом стиральный порошок; эта кастрюля принадлежала моей соседке по квартире Абрамкиной Пелагее Алексеевне. Насыпанный порошок, безусловно, испортил щи и сделал их непригодными для употребления в пищу. Считаю себя виновным в своём поступке и прошу Абрамкину П. А. простить меня, а я, со своей стороны, на дальнейшее обязуюсь:

1. Никогда не прибегать к порче пищи у соседей.
2. Соблюдать чистоту в местах общего пользования.
3. Не вешать грязную одежду и бельё в кухне.
4. Не ругаться и не выражаться нецензурными словами.
5. Не брать чужие вещи без разрешения.
6. Соблюдать все правила общественного порядка.

В случае нарушения с моей стороны хотя бы одного из вышеуказанных пунктов моего обязательства прошу соседей передать в народный суд с приложением сего обязательства.— К сему — А. Климов.

С тех пор прошёл год. За это время гражданин Климов не был замечен в нарушениях первого и пятого пунктов своего «обязательства». Он «не прибегал к порче пищи у соседей» и «не брал без разрешения чужие вещи». Но в остальном всё оставалось без изменений.

Особенно усердно беспокойный жилец нарушал пункт четвёртый, трактовавший о сквернословии.

Чаша терпения соседей переполнилась. И вот обвиняемый Климов, 1912 года рождения, работник промкооперации, стоит перед народным судом 8-го участка Ленинградского района Москвы. Рядом с ним престарелые супруги Абрамкины (те самые, что в прошлом году получили мыльную приправу к мясным щам)—Василий Иванович, прораб строительной организации при больнице имени Боткина, и Пелагея Алексеевна, лифтерша домоуправления. Они... тоже обвиняемые: рассчитав, что наступление — лучший способ обороны, гражданин Климов подал в суд встречное заявление, в котором валит все свои проступки с больной головы на две здоровые.

На суде он шумит, размахивает руками и изъясняется преимущественно восклицаниями: — Ну да, как же! Ещё чего! Подумаешь! Ну, был выпимши! А пущай не путаются под ногами: я человек нервный!

— Обвиняемый Климов, сядьте и ведите себя прилично. Абрамкина Пелагея Алексеевна, вы заявляли, что Климов систематически оскорблял вас...

— Заявляла.

— Следует ли это понимать так, что он оскорблял вас словами, унижающими достоинство человека?

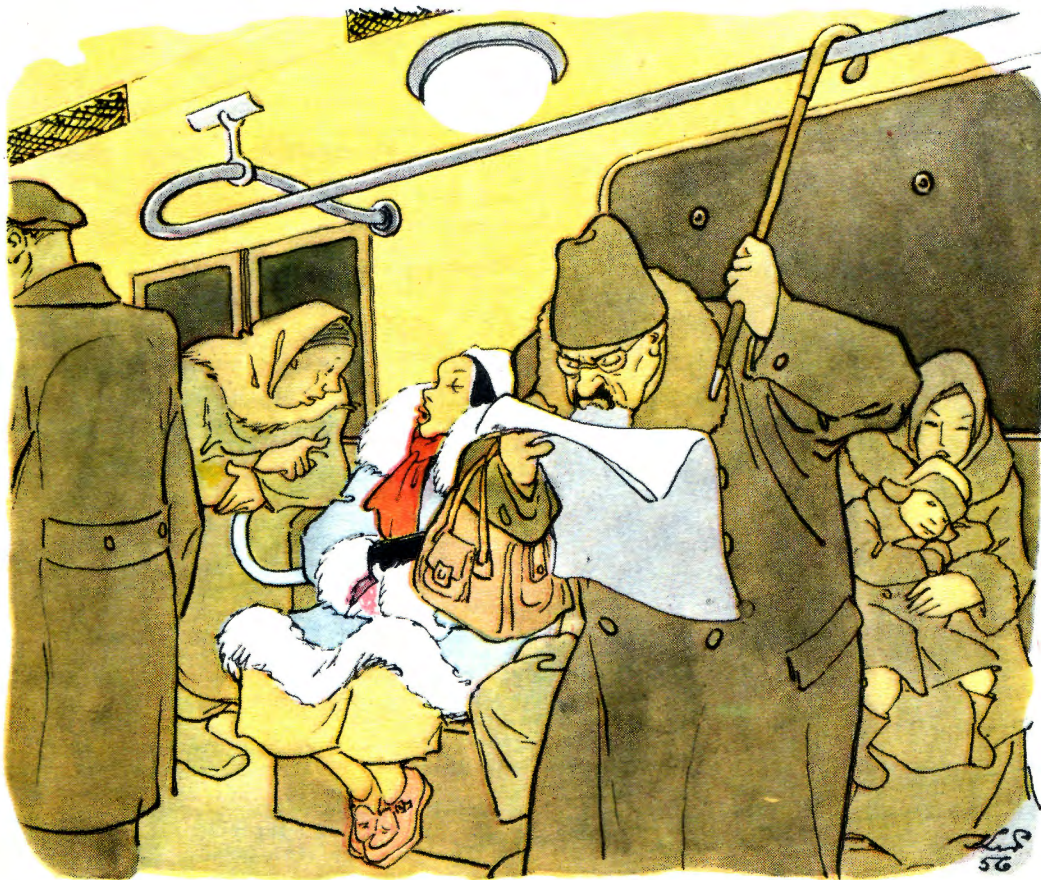
— Ох, да какое уж тут достоинство, граждане судьи! Обзовёт так, что хоть стой, хоть падай...

Мало-помалу картина всё больше и больше проясняется. Мысленно обозревая её неприглядные детали, невольно думаешь: уж если судьба-злодейка решила сделать человеку какую-нибудь фундаментальную гадость, то она с особенным удовольствием даёт ему в квартирные соседи склочника или скандалиста. И сплошь да рядом поди-ка разберись со стороны, что там происходит за закрытой дверью! Как известно, возбудитель болезни, которая начинает лихорадить коммунальную квартиру, обычно очень редко предстаёт перед исследователями в своём химически чистом виде. А тут, можно сказать, такой счастливый случай!

Судебное разбирательство длится не очень долго. И когда суд переходит к разбору следующего дела, гражданин Климов медленно направляется к выходу с видом глубоко обиженного человека. Он обижен на свидетелей, дававших нелестные для него показания. Обижен на суд, который признал его виновным и приговорил к денежному штрафу. А ведь он явно выражал такое искреннее, такое полное раскаяние! В чём? В одном пункте: в том, что год назад написал своё замечательное «обязательство» из шести пунктов, столь самокритичное и откровенное...

М. ЛЬВОВ

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Уступили бы место старичку!
— Это мой муж!..

М. РАУД

Чертополох

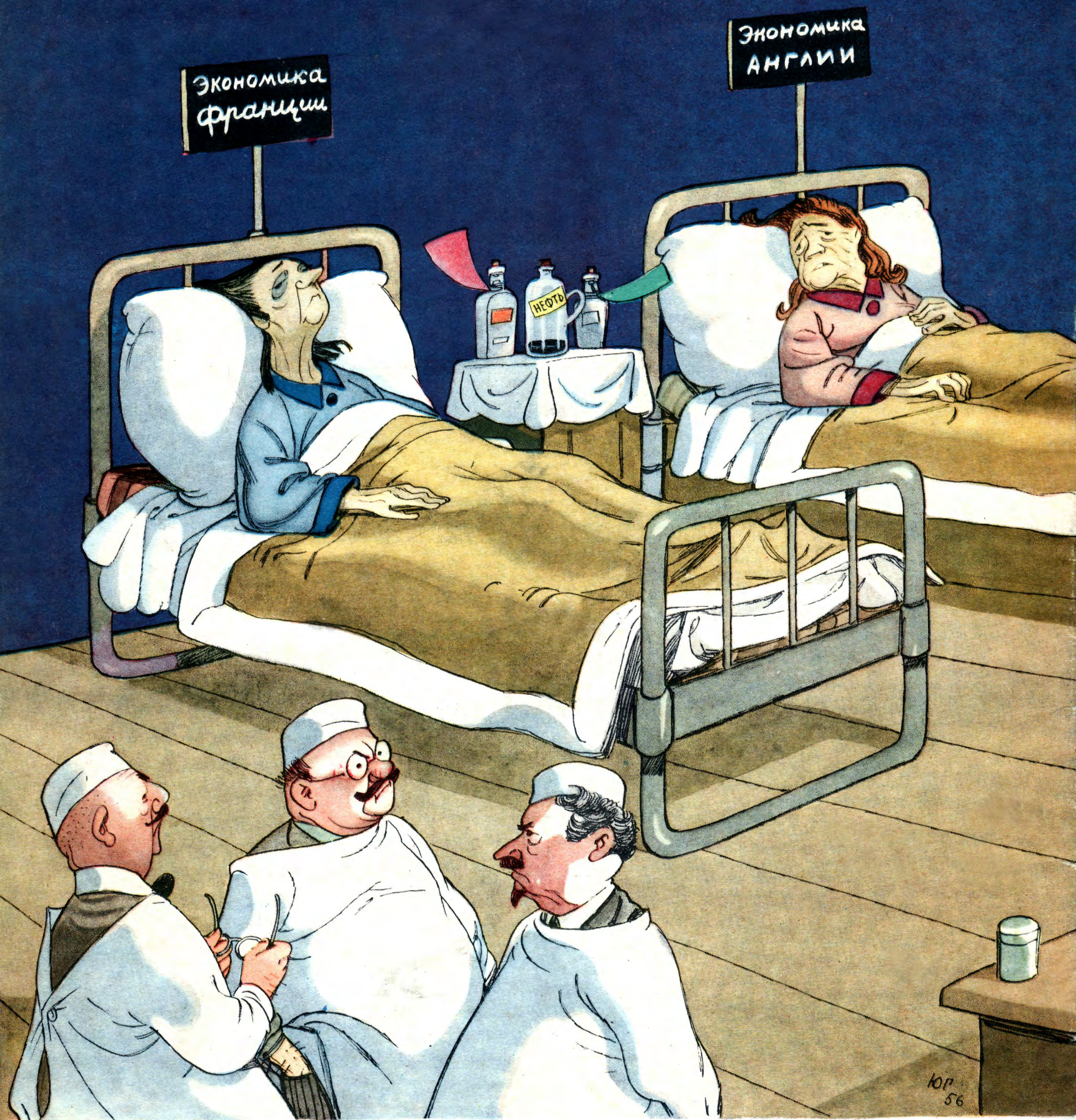
Посеял во-время Хозяин неленивый,
Был за посевами уход неплох,
Но всё ж на зеленеющую ниву
Полез Чертополох.
Об урожае будущем радея,
Мотыгу острую Хозяин наш принёс.
— Не допущу,— вскричал,— чтоб он в пше-
ницу врос!

Я уберу злодея!
Вот в час, когда пришёл конец росе,
Хозяин вышел в зеленя густые;
Щадя пшеницы всходы молодые,
С мотыгою в руках он шёл по полосе.
Чертополох спросил, щетинясь, как обычно:
— Ужель поступишь ты
Столь не-де-мо-кра-тич-но!!
Мотыгу убери, пожалуйста, свою!
Хозяин вымолвил: — Не слышал речи
вздорней,

Прав сорняка не признаю!
И тут же сорняку он перерезал корни.

Перевёл с эстонского В. ГРАНОВ.

Юр
56

ОСЛОЖНЕНИЕ ПОСЛЕ АГРЕССИИ В ЕГИПТЕ

— Положение серьёзное: они угасают без нефти!